

Мишурин А.Н.

кандидат политических наук, младший научный сотрудник Института философии Российской академии наук, сектор истории политической философии; Россия, 119019, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. E-mail: personnalite@mail.ru.

Благочестие и благонадежность как добродетели философа: Лео Штраус и его анализ «Евтифрона»

Аннотация: Предметом статьи является исследование вопроса о благочестии философа, изложенного в работе американского политического мыслителя Лео Штрауса «О “Евтифроне”». Работа Штрауса посвящена исследованию проблемы благочестия, представленной в диалоге Платона «Евтифрон». В ней Штраус последовательно разбирает различные аспекты диалога: его место в платоновском корпусе, сюжет, персонажей, аргументацию, основные выводы. Как представляется, для Штрауса решающей характеристикой диалога оказывается его особая структура, связанная с фигурой прорицателя и отцеобвинителя Евтифрона, способного приблизиться к особому – отличному от общепринятого – и потому опасному определению благочестия; а также следующая из этого факта реакция Сократа, старающегося увести Евтифрона прочь от его взглядов. Предложенный анализ данной работы трехчастен: сначала автор пытается ответить на вопрос, что такое благочестие, затем обращается к вопросу о благочестии Сократа и затем переходит к решению вопроса о том, был ли виновен Сократ в нечестии и развращении молодежи, за что был осужден.

Ключевые слова: Сократ, Платон, Лео Штраус, классическая политическая философия, благочестие, нечестие, проблема Сократа, «Евтифрон».

Американский политический философ консервативного толка Лео Штраус (1899–1973) известен своими работами по классической политической философии¹. Начав академическую карьеру с исследований «Богословско-политического трактата» Б. Спинозы², Штраус постепенно двигался к истокам философии: от Спинозы к Маймониду, от Маймонида к Аль-Фараби, от Фараби к Платону, а затем

¹ Краткую биографию Лео Штрауса см.: *Мишурин А.Н.* Лео Штраус и «Проблема Сократа» // Историко-философский ежегодник 2013. М., 2013. С. 205–213.

² *Strauss L.* Spinoza's critique of religion. Chicago, 1997.

Ксенонфону и Фукидиду. Но наибольшее количество работ Штраус посвятил исследованию трудов Платона как краеугольной фигуры политической философии, стараясь последовательно разобрать все его основные диалоги.

Наследие Штрауса, посвященное изучению философии Платона, можно разделить на две условные части. В первую войдут изданные при жизни статьи, например, статьи «Об “Апологии Сократа” и “Критоне” Платона»³, «О “Евтидеме”»⁴, «О “Миносе”»⁵ и т. д. Во вторую же войдут труды, изданные посмертно. Среди них законченная автором перед смертью книга «Аргументация и сюжет “Законов” Платона»⁶, полная расшифровка курса лекций «О “Пире” Платона»⁷, лекция «Проблема Сократа»⁸ и т. д. Статья Лео Штрауса «О “Евтифроне”» также принадлежит ко второй группе его работ.

Текст «О “Евтифроне”» представляет собой печатную запись лекции, скорее всего, сделанную, а затем вручную исправленную кем-то из его помощников и содержащую лишь несколько незначительных пометок самого Штрауса. Оригинал статьи был передан дочерью философа Дженни Штраус германскому исследователю его творчества Хайнриху Майеру⁹ для перевода и издания на немецком языке. Позднее Майер поделился им с американскими коллегами, тем самым сделав работу доступной для более широкой аудитории.

Итак, «О “Евтифроне”» – это не просто подготовленная для научного журнала статья, это в первую очередь лекция. Посвящена она одному из ранних диалогов Платона, основной темой которого является благочестие. Лекцию можно разделить на несколько частей, тем самым составив ее план. Штраус начинает с введения, посвященного неполноценному характеру познания сущности благочестия в диалоге. «Через “Евтифрона”», – говорит Штраус – мы получаем «полу-

³ *Strauss L.* On Plato’s “Apology of Socrates” and “Cryto” // *Strauss L.* Studies in Platonic political philosophy. Chicago, 1983. P. 38–66.

⁴ *Strauss L.* On the “Euthydemus” // *Strauss L.* Studies in Platonic political philosophy. P. 67–88.

⁵ *Штраус Л.* О «Миносе» / Пер. с англ. А.Н. Мишурина // *Философия и культура*. 2015. № 6. С. 853–860.

⁶ *Strauss L.* The argument and the action of Plato’s “Laws”. Chicago, 1975.

⁷ *Strauss L.* On Plato’s “Symposium”. Chicago, 2001.

⁸ *Штраус Л.* Проблема Сократа / Пер. с англ. А.Н. Мишурина // *Историко-философский ежегодник* 2013. С. 214–232.

⁹ См. *Майер Х.* Карл Шмитт, Лео Штраус и понятие политического. О диалоге отсутствующих / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М., 2012.

правду», полуправдивое представление о благочестии вообще и о благочестии Сократа, в частности. За введением следует первая часть анализа диалога, посвященная постановке проблемы отношения благочестия и философии. Вторая, самая большая часть лекции начинается с призыва «к более тщательному анализу “Евтифрона”». Каждую ее составляющую Штраус четко отделяет от предыдущей с помощью подобной фразы. В этой части последовательно разбираются 1) место диалога в платоновском корпусе; 2) условия беседы (со слов «давайте обратимся к рассмотрению условий»); 3) сущность благочестия Евтифрона (со слов «теперь мы должны попытаться определить суть его (Евтифрона)... положения»); 4) сущность благочестия Сократа (со слов «мы должны двинуться... к Сократу»); 5) двухчастное – серьезное и несерьезное – рассуждение о сути ортодоксальных взглядов на благочестие – благочестие οἱ πολλοί (со слов «давайте обратимся к моменту, когда Евтифрон невольно сходит с верного пути»). Затем следует третья часть анализа, объясняющая уникальность «Евтифрона» по сравнению с другими диалогами Платона. Далее – заключение, ясно коррелирующее с введением. Наконец, в отрывке, идущем после заключения, Штраус говорит о «несерьезности» всего представленного рассуждения.

Данный вариант плана позволяет выделить некоторые особенности этой работы. Во-первых, искаженный характер анализа: Штраус прямо говорит о «несерьезности» данной работы; о том, что внутри нее мы должны обнаружить немало шуток – намеренных преувеличений; да и сама она должна быть шуточной, должна порождать несерьезное к себе отношение. Иными словами, читатель не должен верить Штраусу на слово. Во-вторых, в центр основной части своей работы Штраус ставит определение благочестия, данное Евтифроном, а не определение Сократа или большинства¹⁰. Наконец, раз, по мнению Штрауса, особое положение «Евтифрона» среди работ платоновского корпуса достигается его поставленной «с ног на голову» композицией, и раз сам Штраус следует этому приему, сначала обсуждая благочестие Евтифрона, а не большинства, – то, возможно, сам смысл работы может оказаться перевернутым. Иными словами, Штраус призывает читателя быть максимально осторожным при обращении с благочестием – этим «самым серьезным предметом на свете».

¹⁰ О важности этого положения см.: *Strauss L. On Plato's "Symposium"*. P. 47.

Как Штраус ищет определение благочестия? Связывая последнее с философией, он говорит: «философский вопрос состоит в том, является ли благочестие добродетелью». А так как философ и есть добродетельный человек, то «если он благочестив, благочестие – это добродетель». При этом речь пока идет о благочестии в общепринятом смысле этого слова – поклонении (а значит и повиновении) богам в соответствии с обычаями предков. Позднее Штраус утверждает, что «благочестие должно быть частью... справедливости, должно быть частью повиновения закону». Это, на первый взгляд, простое рассуждение об общепринятых определениях имеет далеко идущие следствия. Ведь если Сократ не благочестив, то он оказывается и несправедлив. А это, в свою очередь, будет означать, что для Платона не только благочестие, но и справедливость не является добродетелью, раз они не присущи философу. Но Штраус ясно говорит: «Сократ действительно не верит в богов города». А раз так, то «как же мог он тогда им поклоняться», т. е. как он мог быть благочестив в общепринятом смысле этого слова? Обратимся к началу работы.

Штраус начинает свое рассуждение о благочестии Сократа, преобразуя первую половину первой части обвинения – об отрицании богов города – в обвинение в невежестве относительно божественного. В этом он следует за Платоном, используя три утверждения Сократа, взятые им из «Апологии» и «Федона». Первое: «нет никого мудрее Сократа»¹¹. Второе: «я знаю, что ничего не знаю»¹². Третье: «знание – это добродетель»¹³. Если Сократ знает только то, что он ничего не знает, тогда он понимает: ему не ведомо, что такое благочестие. И, так как благочестие – это добродетель, а добродетель – это знание, то Сократ не может быть благочестив¹⁴. Но если – и это подчеркивает Штраус – «остальные едва ли смогли бы превзойти Сократа мудростью», то никто не мог знать, что такое благочестие и потому быть благочестивым. Именно незнание создает среди свободных людей ситуацию «свободных равных» – равных в своем невежестве. То есть всеобщее незнание относительно того, что относится к чело-

¹¹ Платон. Апология Сократа, 21а. Ср. как Сократ преобразует первичное утверждение пифии «нет никого мудрее» (21а) Сократа в свое собственное утверждение «я мудрее всех» (21b).

¹² Платон. Апология Сократа, 21d и вариации того же утверждения в 23b и 29b.

¹³ Платон. Федон, 83е.

¹⁴ И более того – он вообще не может быть добродетелен. Если конечно добродетель не является знанием незнания.

веческому (в том числе и вопрос о богах) рождает конвенцию – широкое согласие, демократию. Если бы знание о богах существовало, как существует знание о здоровье или физической силе¹⁵, то не было бы нужды в конвенции и равенстве. Достаточно было бы знающего. Но такого знания нет. Вот почему общество полагается на «истории предков», на мифы. И чем старше эти мифы, чем они архаичнее, тем более истинными они считаются. Но Сократ отвергает эти истории именно потому, что они архаичны – в них боги сражаются друг с другом, отцы поедают своих детей, а дети оскопляют и заточают отцов, братья и сестры сходятся в браке и процветает супружеская измена. Сократ не может быть лоялен таким богам, и это, в свою очередь, означает, что он не может быть лоялен к традиции, к конвенции, к прошлому вообще и своему прошлому, в частности. Вот почему Штраус, обращая внимание на данную проблему, говорит: «Сомнительным остается и характер его (Сократа) отношения к предкам или родителям». Так вопрос о благочестии, как и вопрос о справедливости в целом, становится вопросом о благонадежности; то есть вопросом о повиновении установленным обществом нормам (поклонение и следование богам, идеологии, «ценностям» и т. д.). В этом смысле преступник не тот, кто нарушает установленный закон, но тот, на кого общество не считает возможным положиться в решающий момент¹⁶. Тот, кто не станет во время процветания подчиняться самым безумным, но безвредным общественным нормам – диссидент, оппозиционер, негражданин или философ – тем более не станет подчиняться безумным и опасным нормам во время общественного упадка.

Чтобы доказать этот тезис, Штраус обращается к сравнению двух действующих лиц диалога: отклоняющегося от нормы, но благонадежного Евтифрона с отклоняющимся от нормы, но неблагонадежным Сократом. От Штрауса читатель узнает, что Евтифрон – это «карикатура на Сократа», он «выходит за рамки обычных искусств и добродетелей», двигаясь в противоположную сторону от нормы, нежели Сократ. Иными словами, Евтифрон – это диалектическая противоположность Сократа. И потому при их сравнении мы можем

¹⁵ Платон. Критон, 47b.

¹⁶ Первым, приговоренным по обвинению в нечестии, был негражданин – Протагор. Причем предметом обвинения была его книга «О богах». См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях великих философов. IX, 8, 51–52.

ожидать от автора использования диалектического приема. Суть этого приема будет состоять в том, что при сравнении Штраус будет называть все интересующие его качества на примере Евтифрона, но не обязательно будет называть их противоположности – на примере Сократа¹⁷. Это позволит ему избежать эксплицитной оценки Сократа и в то же время ясно продемонстрирует его отношение. Любое сравнение различий имеет под собой общее основание. В случае Сократа и Евтифрона таким общим основанием, по мнению Штрауса, является искусство прорицания: и Евтифрон, и Сократ – прорицатели. Штраус говорит: люди – большинство – «считают его (Евтифрона) безвредным». Он ничего не говорит об отношении большинства к Сократу. Это заставляет подозревать, что Штраус не хочет открыто заявить о том, что большинство считает Сократа опасным. Данную мысль автор поясняет следующим образом: «Евтифрон, – говорит Штраус, – безвреден в границах собственного знания... Но если само это знание заставит его причинять зло людям, то он ни на мгновение не станет колебаться». Евтифрон обвиняет собственного отца. Сократ же, наоборот, «не стал бы никого ни в чем обвинять». Получается, что Сократ, будучи противоположностью Евтифрона, безвреден для конкретных людей, но опасен «в границах собственного знания». Иными словами, Сократ опасен не для своего ближайшего окружения, но для всего общества. Отказ от веры в богов города, отказ от конвенции в пользу знания означает переход от демократии к монархии, от общества «свободных равных» – к правлению знающего. Евтифрон «уверен, что только познавший божественное... может быть благочестив». Сократ, как показывает Штраус, напротив, считает, что познавший божественное в принципе не может быть благочестив, ибо «боги не благочестивы». Сократ – «приземленный», его интересует только человеческое. Евтифрон «витает в облаках», его заботит только божественное. Евтифрон «скрывает свою мудрость», но «не скрывает своих претензий на звание мудреца». Сократ, напротив, не желает именоваться «мудрецом»¹⁸, но не скрывает своей мудрости¹⁹. Наконец, Евтифрон занимает официальную должность прорицателя, Сократ же прорицает «любительски».

¹⁷ Философ Штраус, следуя за Платоном вынужден открыто говорить об отце философии только хорошее, см.: *Платон*. Протагор, 345e–346c.

¹⁸ *Платон*. Апология Сократа, 18b. О занятиях Сократа софистикой, которые он отрицает в Апологии, см.: *Платон*. Федон, 96a.

¹⁹ *Платон*. Апология Сократа, 21b–23a.

Почему же, противопоставив Евтифрона Сократу, Штраус, тем не менее, говорит, что первый находится между большинством и Сократом, хотя из данного ранее описания представляется, что это большинство находится между ними? Иначе говоря, почему при всех своих качествах Евтифрон ближе к Сократу, чем к большинству? Все дело в определении «подлинного» благочестия. Вслед за Платоном Штраус разбирает три определения благочестия. При этом первое определение, передающее нам взгляд Евтифрона, кажется, и есть та самая «раздражающая полуправда», о которой Штраус говорит в начале лекции. Следуя мысли автора, существует, как минимум, два вида «полуправды»: общепринятая и раздражающая. В диалоге Сократ последовательно ведет Евтифрона от непопулярных воззрений на благочестие к популярным через то, что можно было бы назвать его оригинальным взглядом. Ибо невозможно перейти от одного полюса ошибочных представлений к другому, не пройдя через центр, который находится дальше всего от лжи и, следовательно, ближе всего если не к истинному, то хотя бы к умеренному представлению²⁰.

Штраус интерпретирует две полярные полуправды следующим образом. Взгляд Евтифрона – первое определение благочестия в диалоге: благочестиво поступать, как поступают боги. Взгляд большинства – последнее определение благочестия в диалоге: благочестиво поступать, как боги велют. Срединное положение между этими двумя точками зрения занимает представление, согласно которому благочестиво то, что приятно богам (второе определение благочестия в диалоге). Штраус поясняет: для того чтобы понять это определение «подлинного» благочестия, достаточно «попросту отбросить отождествление того, что ублажает богов», с общепринятым взглядом на благочестие. Очевидно, что радовать или ублажать бога может только совершенство; но совершенным может быть только бог. Быть благочестивым в подлинном смысле этого слова, значит быть богом. Не следовать указаниям богов, поступая, как боги велют. И не имитировать уже совершенные ими поступки, поступая, как боги поступают. Штраус иллюстрирует эту мысль, сравнивая богов с самыми совершенными людьми – мудрецами. «Мудрец больше любит тех, кто поступает, как он, чем тех, кто лишь делает, как он велел». Мы смело можем добавить, что нет никого, кого бы мудрец любил больше других мудрецов.

²⁰ Ср.: *Ксенофонт*. Лакедемонская полития, I, 2.

В той же части лекции Штраус просит читателя отбросить «сказки», прямо ответив на вопрос: что тот знает о богах. И, по сути, сам же предлагает ответы в оставшихся до заключения параграфах. Всего этих ответов четыре: три эксплицитных и один имплицитный. Первый – боги города (большинства) существуют – общепринятый «ортодоксальный» взгляд. Если он верен, Сократ виновен в нечестии. Ведь Штраус открыто говорит о том, что «Сократ действительно не верит в богов города». Второй – боги на самом деле заменители случая, которым люди не могут управлять самостоятельно, но от которого зависят на войне и в сельском хозяйстве. Слепой неумолимый случай заменяется всевидящими и любящими подношения богами. Но тогда благочестие становится преодолением случая. Это представление делает более понятной странную ремарку Платона, на которую обращает внимание Штраус, говоря: «Он (Сократ) говорит, что всё хорошее в его жизни досталось ему от богов». Эти слова безбожника Сократа кажутся бессмысленными, если не полагать, что боги – это случай. Но тогда Сократу – по его же словам – всё хорошее в жизни досталось случайно, благодаря удаче. Получается, что Штраус таким образом довольно тонко намекает на то, что платоновский Сократ – это практически макиавеллистская фигура, поклонник *fortuna* и *virtu*. Так понимаемое подлинное благочестие было бы частью подлинной справедливости – власти сильнейшего. Но такой Сократ был бы не просто неблагонадежным, но опасным с точки зрения общества элементом, он был бы прямо опасен даже для своих ближайших соратников (как опасны были Критий или Алкивиад). А это, в свою очередь, противоречит тому, что было сказано при сравнении Сократа и Евтифрона. Последний эксплицитный вариант ответа Штраус подменяет концептом самого Сократа. Что если вместо богов миром «правят» идеи? Может статься, подлинное благочестие – это своего рода поклонение идеям? В таком случае Сократ, кажется, мог бы быть благочестив. Однако различие между богами и идеями не так велико, как принято думать. Во-первых, и те, и другие множественны (Штраус обращает на это внимание читателя, «вдруг» в лекции, посвященной вопросу благочестия Сократа, начиная говорить о Боге Авраама, Исаака и Иакова). А потому Сократу точно так же, как и Евтифрону (и афинянам), пришлось бы найти верховное божество. Евтифрон выбрал Зевса, Сократ – идею блага²¹. Во-вторых, если боги

²¹ Платон. Государство, 505а.

враждуют между собой, то идеи и вовсе взаимно противоположны. В-третьих, ни боги, ни уж, тем более, идеи не правят миром с помощью приказов. Наконец, интерпретация воли богов едва ли требует больше усилий, чем интерпретация идей. Таким образом, кажется, что с точки зрения благочестия замена богов идеями бессмысленна. Смысл в ней присутствует только с точки зрения благочестия Сократа. Но, как иронично замечает сам Штраус, такие же изменения происходят при замене ортодоксальных религиозных взглядов любыми другими (замене Зевса в качестве верховного божества на его отца или бабу). В этом смысле нет разницы между Богом, разными версиями богов и идеями. Этот штраусианский пример в то же самое время указывает на главное сходство идей с богами и потому – на последний, имплицитный ответ на поставленный вопрос. Ответ этот, пожалуй, известен каждому современному читателю диалогов Платона: богов, как и идей, не существует. В таком случае благочестием было бы приближение к богам, их воплощение. И как уже говорилось, по мнению Штрауса, таким воплощением является мудрец. При таком понимании подлинного благочестия Сократ был бы и благочестив, и благонадежен. И так как подлинное благочестие является частью подлинной справедливости, т. е. как известно из «Государства», правления разумного начала в душе и правления царей-философов в городе. А это правление, в свою очередь, не может существовать без поклонения разуму в душе и мудрецу – в политике. То Сократ, как мудрец, был бы опорой такого строя.

Как бы то ни было, факт остается фактом: с точки зрения общепринятого взгляда на благочестие Сократ является безбожником и нечестивцем. Сократ виновен. Если Сократ виновен, то он казнен справедливо, т. е. по закону. Получается, что с точки зрения Штрауса (и Платона) общество по справедливости должно казнить всех неблагонадежных: диссидентов, оппозиционеров, неграждан, философов и т. д. В то же время становится ясно, почему справедливость – вслед за благочестием – теряет статус добродетели, ведь очевидно, что спектр неблагочестивых и неблагонадежных элементов в обществе будет меняться со временем: от режима к режиму²². Вот почему Штраус в шутку говорит о том, что Сократ считался бы благочестивым, будь верховным божеством не Зевс, а Кронос или Гея. Эту самую страшную мысль Штраус буквально погребает под горой шуток. Но, что

²² Платон. Государство, 331с.

важнее, он – как и Платон – не опровергает ее. Поэтому в «Евтифроне», как и в его анализе, практически ничего не сказано о второй части обвинения – развращении молодежи. Ибо пока нет ясного доказательства, что Сократ развращал молодежь, не доказана его полная вина, а значит, приговор Сократу остается несправедливым.

Однако совершенно обойти тему второй части обвинения не удалось ни Платону в «Евтифроне», ни Штраусу при его анализе. Последний даже определяет развращение молодежи в качестве «истинного преступления» Сократа. На первый взгляд кажется, что позиция Штрауса заключается в следующем. Обвинители могли начать подозревать Сократа только в том случае, если до них доходили сведения – слухи – о его преступлениях. Но эти сведения они не могли получить от самого Сократа – только от тех, с кем Сократ был откровенен. Но с кем может быть откровенен философ? Или, говоря точнее, был ли Сократ откровенен с Евтифроном? Ответ Штрауса однозначен: нет. Чтобы прояснить данную мысль, автор обращает внимание читателя на две составных части диалога: дискуссию (слово), с одной стороны, и действие (дело), с другой. Даже если оставить без рассмотрения вопрос о том, что важнее, слово или дело, действие всё равно остается существенной частью диалога. Ибо наличие действия – это, как минимум, одна из черт, которые отличают диалог от трактата. То есть одна из причин, по которой Платон выбрал формой изложения своей философии не трактат, а диалог. В чем состоит действие «Евтифрона»? Или, лучше сказать, каковы условия этой беседы? Штраус начинает отвечать на этот вопрос, говоря: «Он (Сократ) не идет к Евтифрону и не желает его просвещать. Наоборот, это Евтифрон навязывает Сократу беседу». Сократ не видит в собеседнике своего товарища. И в этом смысле Евтифрон действительно «принадлежит большинству афинян, которое приговорило Сократа». Но ведь и Евтифрон не ищет компании Сократа. Их столкновение у царского портика случайно. Так получилось, что оба они оказались в одном месте, в одно время, по одному и тому же делу. И дело это официальное. Штраус лишь вскользь замечает то, о чем прямо говорит Платон²³. Сократ вынужден оставить свои частные дела, чтобы заняться делом официальным. Беседа заканчивается, но Сократ остается на месте. Для официального лица – Евтифрона, пришедшего по официальному делу, беседа за-

²³ Платон. Евтифрон, 2а.

канчивается бегством по «своим» делам²⁴. Если принять точку зрения Штрауса, согласно которой Сократ не хотел этой беседы, был против нее, тогда его целью в ней было ее прекращение – не выяснение определения благочестия, не спасение Евтифрона от подачи иска против собственного отца и не спасение Сократа от проигрыша, поданного против него иска, но принуждение юноши остановить беседу. Сам Штраус подчеркивает этот факт, замечая, что ни Сократ, ни Евтифрон не изменились в результате этого диалога. Этот сугубо негативный, или, как говорит Штраус, «парадоксальный» пример сократического диалога должен прояснять свою противоположность – позитивный диалог. Такой диалог, в котором Сократ и собеседники ищут компании друг друга, частной компании, заканчивающейся обращением к официальному делу. Диалог, целью которого является получение или прояснение уже имеющегося знания. Диалог, меняющий своих участников. Штраус называет несколько таких диалогов, призывая читателя присмотреться к ним. Последовать его призыву в рамках данной работы невозможно. Нам следует придерживаться вопроса о развращении молодежи. Если целью диалога является получение или прояснение некоего знания, то в процессе диалога получающий это знание меняется. Из недобродетельного (незнающего) он становится добродетельным (знающим); он не остается прежним. Возможно, это изменение и есть развращение²⁵. Но даже если это так, причина обвинения Сократа все еще не ясна. В «Евтифроне» Платон формулирует ее одним словом: зависть²⁶. Кажется, этой точки зрения придерживается и Штраус, который говорит, что и Сократ, и Евтифрон «стали жертвами зависти большинства». Автор поясняет свои слова двумя примерами. Первый: Сократ как человек, пытающийся умиротворить злых собак. Второй: Сократ как отец, прячущий от ребенка опасные игрушки. Оба примера неслучайны: незадолго до этого Штраус вспоминает о «Государстве», откуда они и позаимствованы²⁷. Если идеальное общество имеет своих стражей-собак и мифы-игрушки для воспитания детей, то разве это не означает, что общество наличное, являющееся лишь неполноценной репликой идеала, также должно иметь и то, и другое? И эти его элементы должны вы-

²⁴ Платон. Евтифрон, 15e.

²⁵ Платон. Евтидем, 283d.

²⁶ Платон. Евтифрон, 3d.

²⁷ Платон. Государство, 376a-d и 378d-e.

полнять свои функции – воспитывать молодежь и уничтожать чужаков, т. е., в первую очередь, сохранять – производить и воспроизводить общество? Ответ «нет» означал бы, что идеал, обрисованный Сократом в «Государстве», таковым не является. Ответ «да» только бы прибавил уверенности в справедливости приговора Сократу. Ведь получалось бы, что, пытаясь заменить богов идеями, Сократ заменяет общественные мифы своими и тем губит молодежь. Но, что куда важнее, обвинителям совершенно незачем было бы присутствовать при частных беседах Сократа с теми, кому тот доверял, с кем был откровенен. Наоборот, чем больше Сократ скрывал себя, чем более неизвестным, чуждым он был для общества, тем больше у защитников этого общества было права считать его неблагонадежным, считать его врагом. Как бы то ни было, Штраус прав: нельзя до конца быть уверенными в виновности или невиновности Сократа (пусть даже лишь в одной части обвинения, касающейся благочестия), основываясь только на «Евтифроне». Для решения этой проблемы нужно, как минимум, проанализировать другие диалоги, связанные единой темой суда и казни Сократа: «Апологию», «Критон» и «Федон».

Получается, что штраусианский анализ «Евтифрона» частичен. Однако нельзя получить знание о том, что такое философия и кто такой философ, полностью за один раз. Получение подобного рода знания требует постепенного движения – того, что называется обучением. В этом смысле, возможно, тот факт, что работа Лео Штрауса «О “Евтифроне”» является конспектом лекции, не умаляет, а наоборот, повышает ее ценность для тех, кто ищет такого знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристофан. Облака / Пер. В. Ярхо // Аристофан. Комедии: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1983. С. 155–234.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: АСТ, 2011. 570 с.

Ксенофонт. Домострой / Пер. С.И. Соболевского // *Ксенофонт*. Сократические сочинения. М.: АСТ, 2003. С. 218–280.

Ксенофонт. Лакедемонская политика // Пер. Л.Г. Печатновой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2014. 224 с.

Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и понятие политического. О диалоге отсутствующих / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М.: Скимень, 2012. 192 с.

Мишури́н А.Н. Лео Штраус и «Проблема Сократа» // Историко-философский ежегодник'2013. М.: Канон+РООИ Реабилитация, 2013. С. 205–213.

Платон. Апология Сократа / Пер. М.С. Соловьева // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 70–96.

Платон. Евтидем / Пер. С.Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 158–202.

Платон. Евтифрон / Пер. С.Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 295–313.

Платон. Государство / Пер. А.Н. Егунова // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.

Платон. Критон / Пер. М.С. Соловьева // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 97–111.

Платон. Лахет / Пер. С.Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 268–294.

Платон. Пир / Пер. С.К. Апта // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 81–134.

Платон. Теэтет / Пер. Т.В. Васильевой // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 192–274.

Платон. Федон / Пер. С.П. Маркиша // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 7–80.

Штраус Л. О «Миносе» / Пер. А.Н. Мишурина // Философия и культура. 2015. № 6. С. 853–860.

Штраус Л. Проблема Сократа / Пер. А.Н. Мишурина // Историко-философский ежегодник'2013. С. 214–232.

Strauss L. On Plato's "Apology of Socrates" and "Cryto" / Strauss L. Studies in Platonic political philosophy. Chicago: The university of Chicago press, 1983. P. 38–66.

Strauss L. On the "Euthydemus" / Strauss L. Studies in Platonic political philosophy. Chicago: The university of Chicago press, 1983. P. 67–88.

Strauss L. On Plato's "Symposium". Chicago: The university of Chicago press, 2001. 294 p.

Strauss L. The argument and the action of Plato's "Laws". Chicago: The university of Chicago press, 1975. 186 p.

Strauss L. Spinoza's critique of religion. Chicago The university of Chicago press, 1997. 327 p.

Mishurin Alexander Nicolaevich

PhD in Political Science, Research Fellow at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Department of the History of Political Philosophy, 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation. E-mail: personnalite@mail.ru.

Piety and Political Reliability as Philosopher's Virtues: Leo Strauss and His Analysis of Plato's "Euthyphro"

Summary: The article devoted to the question of philosopher's piety, as it represented in the work called "On the *Euthyphro*" by American political thinker Leo Strauss. The original work discussed piety in context of Plato's dialogue *Euthyphro*. In that work Strauss consecutively analyze various aspects of the dialogue: its heroes, action, argument, place in Platonic writings and some of its conclusions. It seems as if Strauss sees the peculiar structure of the dialogue as its definitive attribute. That structure correlate with the character of Euthyphro – soothsayer and father accuser who discovers special – not accustomed by the many – and therefore dangerous definition of piety, on the one hand. And Socrates's fruitless endeavor to save Euthyphro from it, on the other.

In this article author gives three-part analysis of the Strauss's work. First he tries to answer a question: what is piety, then investigates Socrates's problematic piety, finely he turns to the grave question of Socrates's guilt: is philosopher par excellence guilty of impiety towards gods of the city, introducing new deities and corruption of the youth? The given analysis rests on professor Strauss's commentary work as well as the original antique sources.

Keywords: Socrates, Plato, Leo Strauss, classical political philosophy, piety, impiety, the problem of Socrates, the "Euthyphro".